

Павел Куприянов

Izabella Agárdi. On the Verge of History: Life Stories of Rural Women from Serbia, Romania, and Hungary, 1920–2020. Stuttgart, Germany: Ibidem Verlag, 2022. 472 pp. ISBN 9783838216027.

*Павел Куприянов, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия.
kuprianov-ps@yandex.ru.*

Работа выполнена по гранту РНФ № 24-28-01577 «Инициативы по производству и сохранению памяти и наследия в современной России: акторы, мотивации, механизмы».

Любителям и знатокам европейской истории название книги Изабеллы Агарди «На краю истории: Истории жизни сельских женщин Сербии, Румынии и Венгрии, 1920–2020» не может не напомнить известную работу Натали Земон Дэвис «Дамы на обочине» (*Women on the Margins*) ([1995] 2021). В том, что это не случайное совпадение, а умышленная отсылка, мы убеждаемся на первой же странице рецензируемой монографии, где среди других эпитафий находим строки из «Дам на обочине» – фрагмент вымышленного диалога автора с ее тремя героинями, женщинами XVII века, в котором она делится своим исследовательским замыслом: показать их сходства и различия на основе того, что те говорили и делали. Обсуждаемая работа, очевидно, преследует те же цели – как и исследование Дэвис, она повествует о женщинах через их слова и поступки, давая голос тем, кого принято помещать «на обочину» истории. Это по-прежнему женщины, только теперь их не три, а тридцать, речь идет не о семнадцатом, а о двадцатом веке, и, в отличие от своей предшественницы, Агарди нет нужды воображать диалог с героинями своего исследования – она говорит с ними «вживую».

Тема разговора – история жизни. Так, тридцать продолжительных нарративных интервью, записанных в 2005–2008 годах, составляют основной материал книги. Информанты – венгероговорящие женщины 1920–1930-х годов рождения, жившие в сельской местности на приграничных территориях Венгрии, Сербии и Румынии. Их воспоминания, охватывающие различные этапы собственной жизни и исторические периоды, становятся объектом внимательного авторского анализа и интерпретаций. Структура монографии построена на совмещении хронологического и проблемного принципа. С одной стороны, Агарди следует за своими героинями в их рассказах о детстве / межвоенном периоде, отрочестве / войне, взрослой жизни / государственном социализме, старости и выходе на пенсию / переходном периоде после 1989 года. С другой стороны, в каждом разделе рассматриваются те или иные конкретные проблемы: например, в главе о войне обсуждаются вопросы стереотипизации в описании Другого, а в главе о государственном социализме – образ материнства и гендерная проблематика. Вне хронологии оказываются лишь шестая и седьмая главы: в первой речь идет о теме дома и движения в воспоминаниях, а во второй – о функциях смеха в рассказывании историй о жизни. Главы поделены на параграфы, в которых отдельные аспекты

общей темы исследования рассматриваются на основе нескольких фрагментов интервью. Обычно этих фрагментов немного, от одного до пяти, но при этом они довольно объемны и занимают порой больше страницы. Такое цитирование источников, с одной стороны, обеспечивает осязаемое присутствие в книге самих информантов, а с другой – предоставляет читателю хоть и ограниченный, но непосредственный доступ к исследуемым материалам и позволяет следить за аналитической работой автора.

Как отмечает сама Агарди, ее книга тематически затрагивает разные сферы исторических исследований – национальную историю Венгрии, исследования переходного периода, аграрную, социальную, гендерную и микроисторию. Во всех этих областях она дополняет, уточняет, а в чем-то и прямо опровергает многие сложившиеся представления. Вместе с тем, это устноисторическое исследование, относящееся к сфере *memory studies*, и в этом качестве оно также безусловно заслуживает внимания. Место собственного исследования в этом поле и принципы анализа интервью исследовательница довольно подробно обозначает во введении, затем не раз возвращаясь к ним в основной части. Солидаризируясь с предшественниками в том, что устные источники дают доступ не к фактам биографии и даже не к опыту рассказчика, а к его интерпретациям, она подчеркивает дискурсивную природу устных воспоминаний и применяет к ним нарративный анализ, выявляя и описывая структуру повествования и используемые в нем повествовательные приемы. Так, Агарди показывает на разных примерах, что устные воспоминания отражают не столько объективную реальность прошлого, сколько нынешнее видение и отношение женщин к обсуждаемым темам и сюжетам, и в этом смысле больше говорят о настоящем, нежели о прошлом. Словом, она показывает, что разбираемые в монографии истории жизни записаны в условиях влияния целого ряда факторов – личного опыта и взгляда рассказчиц, актуального дискурсивного поля, нарративных структур, самой ситуации интервью, а также особенностей расшифровки и перевода нарративов на английский язык. Между тем достоинство рецензируемой работы, на мой взгляд, состоит не только в экспликации этих подходов и принципов (большинство из них можно найти и у других исследователей), но и в том, как они реализуются на практике: можно утверждать, что при работе с материалами интервью автору в целом удается выдерживать высокий градус критичности и рефлексивности, заданный в теоретическом введении.

Центральный теоретический вопрос, к которому Агарди последовательно обращается в каждом разделе книги, заключается в характере взаимосвязи личных воспоминаний и публичной истории. Он напрямую связан, как минимум, с двумя классическими проблемами *memory studies* – соотношениями коллективной и индивидуальной памяти, а также памяти культурной (транслируемой через общественные институты и дискурсы) и коммуникативной (передаваемой в личной коммуникации внутри микрогрупп). Обсуждаемое исследование вносит вклад в эти дискуссии, обнаруживая в собранном материале несколько закономерностей.

Прежде всего анализ интервью демонстрирует, что личные воспоминания часто содержат иную картину прошлого, отличную от «общепринятой». Например, Трианонское соглашение 1920 года, в результате которого Венгрия потеряла боль-

ше половины своей территории и которое в венгерской коллективной памяти воспринимается как национальная трагедия, в рассказах женщин почти никогда не предстает исторически значимой вехой (аналогичным образом порой игнорируется и переломный 1989 год). Вторая мировая война началась для них не тогда, когда их страна вступила в конфликт, а когда в их деревню «пришли русские» (или венгры). Вопреки официальному историческому нарративу, опрошенные женщины «не помнят» депортаций и убийств венгерских евреев во время войны, а иногда и того, что Венгрия воевала на стороне Германии.

Фиксируя эти (и многие другие) расхождения между частной памятью и официальной историей, Агарди показывает, что отношения между ними не сводятся к бинарной противоположности, а представляют собой взаимодействие, при котором различные составляющие общественного дискурса и индивидуальные истории проникают друг в друга. Анализируемые в книге тексты подтверждают, что частная память никогда не остается независимой от внешнего контекста, и в этом смысле рассказы женщин никогда не бывают сугубо индивидуальными. В тексте монографии мы встречаем такие истории, «рассказанные с помощью различных источников» – кино, средств массовой информации, популярного телевизионного политического шоу, рассказов дочерей, соседей, коллег и личного опыта (такова, например, история Амадиль о межэтническом конфликте в трансильванской деревне в 1990 году, с. 339–345). Кроме того, исследовательница прослеживает, как в ходе повествования ее собеседницы переключаются между микро- и макрорегистрами, то задействуя публичный исторический дискурс, то «отключаясь» от него; как результат, такая стратегия предсказуемо порождает противоречия в повествовании.

Важно отметить, что при всех отличиях от публичного исторического нарратива, анализируемые воспоминания не содержат какой-либо единой альтернативной «низовой» версии прошлого – это не одна, а множество версий, выстраивающихся в различных комбинациях, с разными хронологией и акцентами. Вообще, сложность – наверное, главное качество частных историй, анализируемых в исследовании Агарди (и в этом, на мой взгляд, одно из его главных достоинств). Они разнообразны, противоречивы, часто нелогичны и непредсказуемы. Примером может служить то, как в воспоминаниях представлен период государственного социализма. Во-первых, нелюбовь опрошенных к социалистической эпохе вовсе не означает одобрения последовавших после нее перемен. Во-вторых, воспоминания о социализме наряду с травматичными сюжетами, такими как коллективизация, раскулачивание и репрессии, включают также вдохновляющие истории собственного развития и самосовершенствования. Тем не менее и последние оказываются довольно сильно различающимися: в одних случаях они пропитаны ностальгией и отсылками к возможностям, предоставлявшимся в то время государством, а в других – связаны с постоянной борьбой и преодолением всевозможных препятствий и объясняются скорее божественным промыслом (с. 173–287).

В значительной степени эта сложность частной памяти улавливается благодаря нарративному анализу и тому специальному вниманию, которое автор уделяет используемым ее собеседницами повествовательным приемам. Так, разбирая

рассказ Матильды о жизни в конце 1940-х годов, она обращает внимание на то, что, если сосредоточиться только на содержании, он прочитывается как повествование о бесконечной череде неприятностей. Однако если обратить внимание на то, как рассказывается эта история, то она превращается в повествование «о преодолении препятствий, о том, как у нее всегда была идея или план решения проблемы и как она использовала все ресурсы, которые были у нее и у людей вокруг» (с. 208).

В поле исследовательского внимания попадают не только вербальные составляющие нарратива, но и молчание, паузы, разрывы в повествовании, восклицания, плач и шутки – все это учитывается как органические компоненты воспоминания, а также становится объектом анализа и интерпретации. Юмору и смеху как важным факторам устноисторического повествования в монографии посвящена отдельная глава, в которой Агарди не просто прослеживает, как, над чем и почему смеются, шутят и иронизируют ее информанты, но и выделяет особую категорию перформативного смеха, функция которого состоит в обеспечении коммуникативного контакта рассказчика с аудиторией.

Как и всякое качественное профессиональное исследование, рецензируемая книга выводит читателя на более общие концептуальные вопросы. Один из них касается соотношения устноисторического материала и «большой» истории, точнее своего рода «комплекса неполноценности», как будто преследующего устную историю. Работа Агарди построена на представлении о ценности субъективного взгляда на прошлое, содержащегося в устных воспоминаниях. Собственно выявление и описание этого взгляда составляет одну из задач исследования. Читатель не раз убеждается, что и хронология, и оценки, и наполнение прошлого в представлении опрошенных женщин не совпадают с «официальными». Между тем это несоответствие выявляется не с позиции вспоминающего, а как бы извне, с доминирующей «общепринятой» точки зрения, из-за чего описание этих самых частных неофициальных представлений то и дело осуществляется через отсутствие или несоответствие: Трианонское соглашение *не* оценивается как значимое событие, нация и государство *не* являются образующими повествование рамками, люди *не* помнят про Холокост и т. д. «Большая история» неизбежно выступает в роли своего рода центральной базовой модели, по отношению к которой выстраиваются вернакулярные частные версии – словно не только собеседницы Агарди, но и она сама находится в постоянном диалоге с публичным историческим дискурсом, отталкиваясь от него или присоединяясь к нему. Хотя вся монография посвящена реконструкции частных, «маленьких» историй, «большая» история и хронология задают и структуру книги, и отражаются в названии: голоса людей, находящиеся в центре повествования, оказываются тем не менее голосами «с окраины». Между тем относительность этого пространственного распределения подмечается самой исследовательницей в комментарии к воспоминаниям женщин из сельских пограничных земель, удаленных от административных центров как бывших империй, так и современных государств-преемников: «Для этих женщин-рассказчиц это не окраины, не периферия и не отдаленные районы; они казались бы отдаленными только в том случае, если бы я рассматривала нацию как основу их жизненного

пространства. Для них в их собственной жизни эти места находятся в центре, они образуют центр, полный динамизма, перемен и движения» (с. 409).

Работа Агарди антропологична: много места в ней уделено представлениям, взглядам, оценкам, эмоциям людей, в ней «слышны» человеческие голоса – и не просто голоса, а целые истории, рассказанные этими голосами. Некоторые разделы предваряются короткими, но изящными этнографическими зарисовками, погружающими читателя в атмосферу грядущего интервью и помогающими еще лучше представить себе не только очередную собеседницу, но и исследовательницу. Автор скрупулезно разбирает услышанные и записанные сюжеты, сопоставляет их между собой, рассматривает их в разных контекстах, приучая и читателя к такому внимательному всматриванию и вслушиванию в представленные тексты и знакомя его таким образом со своими героинями. Однако важный нюанс состоит в том, что каждый раз нам представляют отдельные истории из жизни той или иной женщины, но нигде – историю ее жизни целиком. Детально разбирая вслед за автором очередной фрагмент, мы погружаемся сначала в сюжет, объяснения или переживания рассказчицы, а затем – в анализ и интерпретации исследовательницы, в результате мы так и не узнаем, какое место этот фрагмент занимает во всем рассказе и какое значение ему придается в интервью. Получается, что хотя Агарди ставит перед собой задачу анализировать записанные интервью как истории жизни, именно эта перспектива остается в книге недостаточно актуализированной. В результате у читателя формируются довольно необычные образы вспоминающих женщин: глубоко проработанные, нюансированные и убедительные, но – подобно образу чеширского кота – фрагментированные и нецельные. Разумеется, в задачи автора не входило представить портретную галерею своих собеседниц – то, что относительно легко достижимо с тремя героинями (как в работе Дэвис) и едва ли возможно с тридцатью, – однако сама потребность в таких портретах, на мой взгляд, очень характерна. Пожалуй, их нехватка – это недостаток, являющийся продолжением достоинств рассматриваемой книги: именно ее сфокусированность на человеке делает столь чувствительным отсутствие его цельного образа.

По прочтении появляются и другие вопросы, ответы на которые, очевидно, требуют дополнительных исследований. Среди них, например, вопрос о ключевых факторах, определяющих единство опрошенной группы людей как сообщества памяти и специфичности их исторических представлений и воспоминаний на фоне других групп. Насколько схожими и отличными будут аналогичные мужские истории жизни? Или – женщин, живших в городах? Или же живших не в венгерской, а в польской/немецкой/российской деревне? Впрочем, вопросы – не единственное и не главное, что остается после прочтения книги. Главное, на мой взгляд, – это ощущение интеллектуального удовольствия от качественно проведенного исследования, особенно, связанного с устными воспоминаниями. В этом смысле работа Агарди полностью подтверждает приводимые во введении слова Хизера Ричмонда: «извлекать смысл из историй – это приятный процесс» (с. 52).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дэвис, Натали Земон. [1995] 2021. *Дамы на обочине: три женских портрета XVII века*. М.: Новое литературное обозрение.